

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА КАК ВЛАДЕЛЕЦ И СОБСТВЕННИК ЗЕМЛИ:
ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА 1900–1920-х гг.**

Холодный Максим Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ми-чуринский пр-т, 16, E-mail: info@helri.com

В статье исследуется проблема устойчивости крестьянской общины в России на этапе ускорения модернизационных процессов в конце XIX – первой трети XX в. Показано, что, несмотря на декларации реформы 1861 г., вплоть до эпохи столыпинских реформ, община оставалась не только основным субъектом отношений крестьянского землевладения, но и, в известной мере, главным регулятором отношений собственности. Значение общины, решавшей вопросы владения и собственности на основе крестьянской традиции, в основном сохранилось и в дальнейшем. Несмотря на столыпинские реформы - в имперской России, а затем на базе советского аграрного законодательства эпохи революции и нэпа община оставалась важнейшим регулятором земельных отношений.

Ключевые слова: крестьянская община в России, земельная собственность, земельное владение, столыпинские реформы, крестьянский двор

**PEASANT COMMUNE AS THE POSSESSOR AND THE OWNER OF THE LAND:
PARADOXES OF RUSSIAN HISTORICAL EXPERIENCE 1900–1920-ies**

Holodny Maksim A., Ph.D. (History), Researcher, Research Institute for History, Economics and Law, 16 Michurinsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation, E-mail: info@helri.com

The article investigates the problem of stability of the peasant community in Russia at the stage of acceleration of modernization processes in the late XIX – early XX century. It is shown that despite the declaration of the reform of 1861, until the time of Stolypin's reforms, the community remains not only the main subject of the relationship of peasant land tenure, but also, to a certain extent, the issues of ownership and ownership by the peasant tradition, the main regulator of property relations. The value of the community to solve the basic preserved in the future. In spite of Stolypin's reforms - in imperial Russia, and then on the basis of Soviet agrarian legislation NEP era of revolution and the community to be an important regulator of land relations.

Keywords: peasant community in Russia, land ownership, land ownership, the Stolypin reforms, peasant households

Проблема эволюции крестьянской общины в пореформенной России длительное время находилась в центре общественных дискуссий. В силу объективной социально-экономической роли крестьянства, в них были втянуты не только все более или менее видные российские мыслители, но и многие зарубежные теоретики. Причем участники этих многолетних споров признавали исключительную сложность проблемы, ее неоднозначность.

К примеру, К. Маркс, отвечая В. Засулич (8.03.1881 г.), пытавшейся выяснить для себя вопрос об «исторической неизбежности» процесса «экспроприации земледельцев», прямо признавал: «Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины». В то же время, проведенные исследования «убедили» Маркса в том, что «община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития» [9, с. 251].

Дополнительно разъясняют взгляд К. Маркса на российскую крестьянскую общину подготовительные материалы к этому письму, в которых он фиксировал внимание на том, что, в отличие от Западной Европы, где община исчезла, в России она сохранилась только «благодаря исключительному стечению обстоятельств». В то же время, по его мнению, община могла «постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современной капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии». Исходя из этого, в идеале, община могла бы выступить как «элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя». Однако такая возможность, была ограниченной отягощенностью крестьян государственными и помещичьими поборами [8, с. 401].

Вопрос о статусе общины, ее земельных и иных правах вызывал острые споры не только в среде социальных мыслителей и революционеров, но и в среде российских правоведов. Причем они показывают, что в пореформенной России принципиально нерешенными оставались даже самые общие вопросы землевладения. В частности, предельной неясностью отличался вопрос о земельных правах общины.

К примеру, вопреки расхожим штампам об однозначной защите государством прав общины, один из столпов российского консерватизма и видный правовед К. П. Победоносцев фактически прямо отрицал наличие у общины прав юридического лица, в связи с существованием установленных законом прав отдельных членов общества на часть общинного имущества. И это при том, что он же признавал ограниченность возможностей отдельных членов конкурировать с правами общины! Отмечая, «что каждый член общины имеет только зависимое от общины право владения» [12, с. 524], на наш взгляд, он обнаруживал явную непоследовательность, признавая, что права отдельного крестьянина являются производными от прав общины.

Крайняя юридическая неясность вопроса о земельных правах общины обнаруживается и при обращении к работам других правоведов, многие из которых, в отличие от К. П. Победоносцева, признавали общину самостоятельным субъектом права [11, с. 12]. В конечном счете, мнение о том, что община пред-

ставляет собой особое юридическое лицо было высказано вполне определенно [18, с. 282]. В начале XX столетия данный взгляд на нее стал едва ли не преобладающим и даже нашел отражение в Проекте гражданского уложения [13, с. 83]. Более того, уже в разгар столыпинских реформ крупные российские правоведы прямо заявляли: «Я признаю, что община есть частный вид юридического лица, которому принадлежит вся полнота вещных прав на землю, т.е. право собственности там, где земля составляет собственность общины и право владения там, где общине принадлежит только это последнее право» [7, с. 200].

Отстаивая данное мнение, А. А. Леонтьев признавал, что в ряде случаев община, особенно с прекращением переделов, «суживает свое вмешательство в распоряжение земель, делается как бы парализованной, бездеятельной, мертвой» [7, с. 202], «переходит к виду паевого товарищества» [7, с. 203]: «Владение земель в этих случаях фактически ничем не отличается от подворного владения, только юридически и отличается от него тем, что во всякое время такая община может ожить, и что в юридическом отношении для нее нет препятствий к восстановлению переделов, в то время как в подворном владении переделы невозможны юридически». Однако и наличие своего рода спящих общин, и исключительное разнообразие форм общинной жизни лишь подчеркивали общность их статуса как особого юридического лица, позволяя утверждать: «никаких самостоятельных прав на землю члены общины не имеют и иметь не могут, все их права являются правами производными, получаемыми ими от общины, в том размере и объеме, в каком они представляются им общиной» [7, с. 203].

Пока юристы спорили, крестьяне жили своим привычным укладом. Это признавали и сами правоведы, в целом, понимавшие, что если «высшие классы живут по закону», то крестьянство «по обычаю» – традиционному «народному» праву [10, с. 3]. Особенно наглядно это подтвердили материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, собранные в 1897–1900 гг. и не осмысленные в полной мере до настоящего времени [17]. Опираясь на данные материалы, уже современники в полной мере осознали, что община оставалась важнейшим регулятором всей крестьянской жизни, рассматривая и решая предельно широкий круг вопросов: о полевых работах и праздниках, о взаимопомощи и наказаниях за провинности, о взаимных материальных претензиях и правах собственности. При этом сплошь и рядом общины выходили за рамки формальной «писанной» законности, в частности, их прав, определенных ст. 62 Общего положения [22, с. 24].

Ярким выражением внеправовой регулирующей функции общины стали крестьянские бунты эпохи революции 1905–1907 гг., обусловившие кардинальное изменение имперской аграрной политики. Поскольку община фактически перестала восприниматься властью как надежный инструмент контроля над массой крестьян, она пошла на столыпинские реформы с их курсом на разрушение общины и создание «крепкого хозяина». При этом центральной проблемой новой политики стало решение вопроса о земельной собственности. Сегодня немного забыто, но столыпинская аграрная реформа началась с закона от 17 марта 1906 г. об образовании землеустроительных комиссий. Именно он стал отправной точкой для всего последующего аграрного законодательства, наиболее важными вехами развития которого стали указы от 12 августа 1906 г. (передача Крестьянскому банку удельных земель сельскохозяйственного назначения), от 27 августа (о продаже казенных земель), от 5 октября (об уравнивании крестьян в правах с другими сословиями), от 19 октября (о ссудах Крестьянского банка крестьянам под залог наделной земли). Наконец, решающее значение имел Указ от 9 ноября 1906 г. [16, с. 234–240], прямо направленный против общины (отмена выкупных платежей и круговой поруки, введение собственности домохозяина на наделную землю и права его выделения на отруб или хутор и т.д.).

Однако, несмотря на стремление к освобождению крестьян от власти общины (а отчасти и «административной опеки» государства), их имущественные права во многом продолжали ограничиваться и общиной, и государством. При этом новые указы нередко входили в вопиющее противоречие с реальной аграрной практикой, заставляя власть действовать достаточно осторожно. Это было очевидно даже в текущем нормотворчестве. Так, современники совершенно справедливо обращали внимание на то, что в проекте гражданского уложения сохранены существенные ограничения прав собственности крестьян: «К примеру, по 487 и 509 ст. – отчуждение домохозяином усадебного участка при общинном землевладении и подворного участка (при наличии несовершеннолетних детей) требовали разрешения земского начальника». Семейный раздел (ст. 489–491) проходил с обязательного согласия схода, а на приговор схода можно было жаловаться опять-таки земскому начальнику [7, с. 23].

Совершенно очевидно, что в данном случае имели место не просто обычная косность власти, половинчатость и непоследовательность ее решений, но и нечто более существенное – российская аграрная традиция, в рамках которой мы наблюдаем резонанс комплекса идей, отразившихся как в крестьянском правосознании, так и в политике государства. И в основе этой общей идеологии лежала «мысль о том, что владение землей не есть только явление из области частно-гражданского, частного характера, что владение землей связано с общенародными интересами и общенародными правами» [7, с. 24–25].

С учетом этого, несмотря на стремление к максимально последовательному закреплению в крестьянской жизни «принципа собственности», связанные с ним попытки вывести крестьянина из общины и ограничить право членов крестьянской семьи в пользу домохозяина, сделав тем самым «ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных» [20, с. 100]. П. А. Столыпин был все же вынужден действовать с оглядкой на общину. Так, в своей речи в Государственном Совете 15 марта 1910 г., отмечая «необходимость уничтожить первопричину, необходимость сначала излечить коренную болезнь, дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения», он одновременно подчеркивал: «Не вводя, силою закона, никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его наделной землей» [20, с. 103].

Иными словами, борясь с аграрным «правовым настроением» крестьян, П. А. Столыпин отдавал должное общине. Как отмечал в данной связи один из наиболее видных его сотрудников – А. А. Кофод: «Распустить же общину даже сам Столыпин не решился сразу же, да еще по всей стране» [20, с. 627]. По оценке этого признанного практика-землеустроителя: «разверстание» вообще «не могло быть закончено раньше чем за столетие» [20, с. 625].

В целом, Россия лишь входила в период длительной экономической, правовой, разъяснительной работы, требовавшей десятилетий. В этой связи, совершенно очевидна «торопливость» и поспешность многих современных исследователей, которые акцентируют внимание на недостаточности весомых результатах, «сомнительных итогах» столыпинских реформ, «неготовности» крестьян к новым формам хозяйствования. На наш взгляд, общеизвестные цифры о сохранении в общинной собственности порядка 90 % аграрной земли даже к моменту революции 1917 г. свидетельствуют о вполне хорошем ходе реформ. При этом нельзя однозначно трактовать и связанный с реформой рост аграрной конфликтности (первая и вторая война в деревне – у большевиков). На наш взгляд, многочисленные проявления конфликтов общины с отрубниками и хуторянами объясняются не непримиримостью крестьян к частной собственности. Нет. Здесь свою роль играли традиционные представления крестьян о социальной справедливости, в соответствии с которыми выход из общины не должен был достигаться за счет «общества». Между тем, именно это чаще всего и происходило (особенно при небескорыстной роли местной администрации).

И естественно, что, на фоне исключительно острого малоземелья, община защищала свои права от «кулака»-хуторянина традиционно жестко. Злоупотребления властей, связанные с несправедливым и насильственным разрушением общины, в итоге, стали одной из важнейших причин революции 1917 г., в которой община заявила о себе в полный голос, «разобравшись» как с помещиками, так и с недобросовестными и излишне корыстными соседями.

Более того, в результате революционных потрясений и гражданской войны, в 1920-е гг. произошла фактическая реанимация, возрождение общины. Причем в основе этого лежало разрешение вопроса о земле. Декрет Временного правительства «об учреждении земельных комитетов» от 21 апреля 1917 г., в конечном счете, нашел завершение в большевистско-эсеровском декрете о «социализации» от 19 февраля 1918 г., провозгласившем отмену «всякой собственности» на землю, которая переходит «в пользование всего трудового народа» [6]. И это не означало, что земля становилась как бы ничьей. Нет, она превращалась именно в общинную землю.

Конечно, власть вскоре попыталась вернуть себе вполне эффективный контроль за указанной сферой. Годом спустя декрет о «социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г. уточнил, что, независимо от того, в чьем ведении находится земля, она представляет собой часть «единого государственного фонда» [6]. А в условиях начавшейся кодификации, осенью 1922 г. советские законодатели сформулировали еще более определенно: вся земля – «собственность Рабоче-Крестьянского государства» [4, с. 4].

Тем не менее, особое значение общины как владельца и распорядителя земли в период нэпа сохранились в полной мере [2, с. 66]. Согласно советскому законодательству, земельное общество являлось не только субъектом закрепления земель трудового пользования, на имя которого выдавался основной документ – акт закрепления, но оно также выступало в роли трудового землепользователя, имевшего права по хозяйственному распоряжению закрепленными за ним землями. В качестве объединения землепользователей, земельное общество было свободно в выборе того или другого порядка землепользования. Оно осуществляло землеустройство, производило переделы и разверстки земель, решало вопросы перехода на «широкие полосы», отруба и хутора.

Конечно, согласно Земельному кодексу РСФСР 1922 г.: «За каждым состоящим в обществе двором признается право на долю земли из надела общества, которая может быть изменяема в целях уравнительной распределения земли между членами общества» [4, ст. 92]. Однако эта доля не была постоянно закрепленной. Неизбежные изменения в составе дворов предполагали временность владения, в соответствии с которым переделы внутри общины проводились не чаще 1 раза за трехкратный севооборот, или, при отсутствии правильного севооборота – не чаще чем через 9 лет. Переделы между отдельными дворами («скидки-накидки»); брак, рождение, смерть, приймачество) осуществлялись не чаще 1 раза в 3 года [4, ст. 121, 123, 93]. Как детализировали комментаторы советского законодательства: «Распределение земли между членами общины может производиться двояким образом – посредством общих или же посредством частных переделов, иначе называемых скидками-накидками. Общий передел есть одновременное перераспределение земли между всеми членами общины» [5, с. 96].

В целом, именно земельное «общество» обладало всей полнотой прав по разрешению вопросов производительного и хозяйственно-целесообразного использования земельной площади [4, ст. 51]. В его непосредственном распоряжении находились земли и разного рода угодия общего пользования: выгоны, прогоны, воды, неудобные земли и т.п. [14, ст. 63]. За ним сохранялись все права на закрепленный земельный массив, несмотря на отдельные, происходившие в составе земельного общества изменения. Выморочные, отобранные в особых случаях, указанных в законе, оставшиеся после лиц, отказавшихся от земельного надела земельные участки – все эти земли не «уходили» из общества, а продолжали оставаться в его полном распоряжении для использования, в соответствии с нуждами земельного общества [4, ст. 62].

Важно отметить, что земельное общество не только выступало в качестве трудового землепользователя, но и являлось самостоятельным хозяйствующим субъектом. С землепользованием и распоряжением угодиями общего пользования были неотделимо связаны многочисленные «общие» хозяйственные мероприятия – наем пастуха, приобретение трактора, пользование различными средствами производства, получение всякого рода ссуд, проведение агрономических мероприятий и т.д.

В своем подавляющем большинстве все, относящиеся к непосредственному ведению земельного общества, как трудовому землепользователю, или вытекающие из его хозяйственной деятельности вопросы, в окончательной форме разрешались самим земельным обществом. Исключение, и притом незначительное, составляли лишь те распоряжения земельного общества, которые коренным образом изменяли установившийся порядок пользования землями [4, ст. 87, 120 и 140, п. «б»].

По существу, земельное общество выступало как замкнутая корпоративная организация, которая, как правило, сама разрешала вопросы приема новых членов со стороны, выхода членов земельного общества с землей из его состава. При этом оно управлялось через общее собрание членов земельного общества, имело свой выборный исполнительный орган, устанавливало порядок работы и отчетности этого органа перед обществом и т.д. [4, ст. 51].

Таким образом, в лице советского земельного общества мы имеем традиционную общину. По действующему законодательству она являлась такого рода земельно-хозяйственной организацией, которая, в силу широкого объема предоставленных ей прав и значительной свободы распоряжения последними, являлась по-настоящему самоуправляющимся производственным коллективом.

Наряду с этим, земельное общество выступало в качестве органа, ответственного перед государством за правильное и производительно целесообразное использование своими членами земельных и прочих угодий [4, ст. 57]. И в соответствии с этим, оно получило право применять к своим членам меры воздействия – как прямые [4, ст. 60], так и косвенные (через возбуждение ходатайств перед соответствующими государственными органами [4, ст. 61]). Безусловно, данные функции еще более подчеркивали значение земельного общества как автономно управляющейся земельно-хозяйственной единицы.

Итак, и в годы нэпа община, по существу, осталась основой всей жизни крестьяна, важнейшим ее регулятором. Причем, как показывала текущая практика, регулятором, все более обнаруживавшим свое несовершенство. В частности, стремление к постоянным переделам «с целью устранения неравномерности (в землеобеспечении – авт.) вызываемой изменением состава отдельных дворов» [15, с. 296], общего количества разверсточных единиц, количества земли, приходящейся на душу, размера паев хозяйства, обеспечивая социальную справедливость, крайне негативно влияло на крестьянские хозяйства. Частые общие переделы (после революции переделы стали ежегодным явлением без всякой регламентации по срокам и лишь со второй половины 1920-х гг. стали отчасти учитывать требования закона), а также «скидки – накидки» снижали заинтересованность крестьян в улучшении агротехники, повышении плодородия земель, усливали чересполосицу, закрепляли отсталые формы ведения хозяйства, препятствовали переходу к более передовым технологиям.

Очевидно, что центральная проблема столыпинских реформ – проблема эффективности землепользования – вновь вышла на свое привычное место. Среди прочего, в частности, к середине 1920-х гг. это отразилось в возросшем внимании власти к вопросам агротехники, улучшения крестьянского хозяйства, «деловым качествам» местных партийно-государственных функционеров [19, с. 71–93].

Однако в 1927 г. путь ее решения был избран другой [3, с. 14]. Как известно, XV съезд ВКП(б), наряду с другими мероприятиями, обеспечивающими дальнейшее успешное хозяйственно-культурное строительство в деревне, выдвинул вопрос о коллективизации. При этом главное внимание на начальном этапе было уделено «улучшению взаимоотношений между Советами и земельными обществами» на основе «усиления руководящей роли Советов» и лишения права голоса в земельных обществах (на сходах) исключенных из списков избирателей Советов [1]. В самих советских кампаниях был взят курс на резкое увеличение численности «лишенцев», что немедленно отразилось и на материальном положении их хозяйств [23, с. 218–224].

С этого времени, с одной стороны, принципиально изменилась оценка властями производственно-экономического потенциала крестьянского двора. К примеру, как писал П. Стучка: «Двор превратить в социалистическую ячейку, по-моему, невозможно, поскольку он, остаток пережитков трудового быта, содержит в себе не только трудовое, но и семейное начало. Чтобы парализовать (разбить) закрепощение двора, как он был оформлен старым сенатом восьмидесятых годов, мы внесли в кодекс полное равноправие членов двора, но с «властью» невыборного домохозяина (это своего рода «республика с королем во главе»). Капитализм разбивает семью-двор – стихийно, путем бегства всего живого, т.е. молодежи, из него. Это разложение заметно и у нас, не в капиталистических условиях...» [21, с. 12]. Соответственно, решая вопрос о том, кто же должен быть «субъектом» трудового пользования землей, Стучка обращал внимание на Директивы ЦК ВКП(б) от 20 октября 1927 г., упоминавшие земельные общества, дворы, колхозы и совхозы, но рекомендовавшие удовлетворять заявки на хутора и отруба в последнюю очередь.

В этой связи, авторам (к примеру, возьмем рецензию на упоминавшуюся выше работу видного правоведа Д. С. Розерблиома [15]) прямо рекомендовалось не рассуждать много о «трудовой природе» крестьянского хозяйства, поскольку «выход из экономического тупика здесь даст только коллективизация» [14, с. 136].

Подводя итоги статьи, необходимо признать, что, начатый крестьянской реформой 1861 г. и максимально усиленный столыпинскими аграрными реформами аграрный курс власти основывался на том, что как собственность двора, так и собственность общины, сохраняя базовое значение, не были должным образом защищены. Соответственно, в течение всего этого времени имела место неуклонная коррозия, разрушение и самого крестьянского двора, и крестьянской семьи, и крестьянского самосознания. Этим процессам препятствовало лишь доминирование общинного землевладения, в полной мере сохранившего свое значение и после революции и гражданской войны. На наш взгляд, противоречивое значение данного обстоятельства состояло в том, что потенциальные возможности общинного землевладения были, с одной стороны, явно недоценены, а с другой – усилиями большевистского государства община была

трансформирована в «коллективное хозяйство». Это стало одной из предпосылок тотального обобществления и репрессивной практики в отношении крестьянства в условиях сплошной коллективизации. Причем роковой поворот в указанном направлении произошел в 1927 г.

Список литературы

1. XV Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): Стеногр. отчет. М. – Л.: Госиздат, 1928.
2. Виноградов С. В. Поволжье в годы новой экономической политики: особенности социально-экономического развития // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. М., 2014. С. 66–76.
3. Виноградов С. В. Становление и развитие смешанной экономики в условиях нэпа. 1921–1927 гг. М., 1992. 17 с.
4. Земельный кодекс РСФСР. М., 1923.
5. Земельный строй и земельные отношения РСФСР. М., 1925.
6. Известия ВЦИК. 1918. 20 февраля.
7. Леонтьев А. А. Крестьянское право. Лекции, читанные пр. А. А. Леонтьевым студентам экономического отделения в 1907-8 ак. году. СПб., 1908.
8. Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1975. Т. 19.
9. Маркс К. Письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1975. Т. 19.
10. Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему Гражданскому уложению. СПб., 1888.
11. Пахман С. В. Обычное право в России. СПб., 1877.
12. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. СПб., 1884. Ч. 1.
13. Проект гражданского уложения. СПб., 1903. Т. 3, кн. 3.
14. Революция права. 1928. № 3.
15. Розенблюм Д. С. Земельное право РСФСР. Изд. 2-е. М.: ГИЗ, 1928.
16. Российское законодательство X–XX вв. М., 1994. Т. 9.
17. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., 2004–2011. Т. 1–7.
18. Русское гражданское право. СПб., 1902.
19. Турицын И. В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.). Армавир, 1998. 140 с.
20. Столыпинская реформа и ее землеустроитель А. А. Кофод. Документы, переписка, мемуары / сост., предисл. и коммент. А. В. Гутерца. М.: Русский путь, 2003.
21. Стучка П. Общие начала землепользования и землеустройства // Революция права. 1928. № 3.
22. Тенишев В. В. Административное положение русского крестьянина. Приложение «Опека в русском крестьянском быту» П. О. Цыпкина. СПб., 1908.
23. Турицын И. В. Власть и пресса в советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М., 1998. 248 с.

References

1. XV Sezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy Partii (b): Stenogr. otchet [XV Congress of the All-Union Communist Party (b): Verbatim report]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1928.
2. Vinogradov S. V. Povolzhe v gody novoy ekonomicheskoy politiki: osobennosti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Volga region during the New Economic Policy: features of socio-economic development]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik modernization during the New Economic Policy]. Moscow, 2014, pp. 66–76.
3. Vinogradov S. V. *Stanovlenie i razvitie smeshannoy ekonomiki v usloviyakh nepa. 1921–1927 gg.* [The formation and development of the mixed economy during the NEP. 1921–1927 years]. Moscow, 1992, 17 p.
4. *Zemelnyy kodeks RSFSR* [Land Code of the RSFSR]. Moscow, 1923.
5. *Zemelnyy stroy i zemelnye otnosheniya RSFSR* [Land structure and land relations of the RSFSR]. Moscow, 1925.
6. *Izvestiya VCIK* [Izvestia of All-Russian Center for Public Opinion Research], 1918, 20 Feb.
7. Leontev A. A. *Krestyanskoe pravo. Lektsii, chitannyye pr. A. A. Leontevym studentam ekonomicheskogo otdeleniya v 1907-8 ak. godu* [Peasant right. Lectures, readin prof. A. A. Leontiev to student of the economic department in 1907-8 academic year]. St. Petersburg, 1908.
8. Marks K. *Nabroski otveta na pismo V. I. Zaslulich* [Outline response to the letter V. I. Zaslulich]. *Marks K., Engels F. Sochineniya* [Writings]. Moscow, 1975, 2nd ed., vol. 19.
9. Marks K. *Pismo V. I. Zaslulich* [V. I. Zaslulich's letter]. *Marks K., Engels F. Sochineniya* [Writings]. Moscow, 1975, 2nd ed., vol. 19.
10. Mukhin V. F. *Obychnyy poryadok nasledovaniya u krestyan. K voprosu ob otnoshenii narodnykh yuridicheskikh obychaev k budushhemu Grazhdanskomu ulozheniyu* [Normal inheritance from the peasants. To a question about the relationship of people's legal traditions to future Civil Code]. St. Petersburg, 1888.
11. Pakhman S. V. *Obychnoe pravo v Rossii* [Customary law in Russia]. St. Petersburg, 1877.
12. Pobedonostsev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava* [The course of civil law]. St. Petersburg, 1884, vol. 1.
13. *Proekt grazhdanskogo ulozheniya* [The project of the Civil Code]. St. Petersburg, 1903, vol. 3.
14. *Revolutsiya prava* [Revolution of law], 1928, no. 3.
15. Rozenblyum D. S. *Zemelnoe pravo RSFSR* [Land Law of the RSFSR]. Moscow, GIZ Publ., 1928, 2nd ed.
16. *Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vv* [Russian legislation X-XX centuries]. Moscow, 1994, vol. 9.

17. *Russkie krestyane. Zhizn. Byt. Nrvay: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva* [Russian peasants. Life. Daily life. Mores: Materials of the prince V. N. Tenishev's "Ethnographic Bureau"], St. Petersburg, 2004–2011, vol. 1–7.
18. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. St. Petersburg, 1902.
19. Turitsyn I. V. *Kadrovaya politika RKP(b) i periodicheskaya pechat (1921–1925 gg.)* [Personnel policy of the RCP (b) and periodicals (1921–1925.)]. Armavir, 1998, 140 p.
20. Guterts A. V. *Stolypinskaya reforma i ee zemleustroitel A. A. Kofod. Dokumenty, perepiska, memuary* [Stolypin's reform and its Land-Manager A. A. Kofod. The documents, correspondence, memoirs]. Ed. by A. V. Guterts. Moscow, Russkiy put Publ., 2003.
21. Stuchka P. *Obshchie nachala zemlepolzovaniya i zemleustroystva* [General principles of land use and land rights]. *Revolyutsiya prava* [Revolution of law], 1928, no. 3.
22. Tenishev V. V. *Administrativnoe polozhenie russkogo krestyanina. Prilozhenie "Opeka v russkom krest'janskom bytu"* P. O. Tsypkina [Administrative position of the Russian peasant. Attachment « Marking in Russian peasant life» P. O. Tsypkina]. St. Petersburg, 1908.
23. Turitsyn I. V. *Vlast i pressa v sovetskoj Rossii: problema vzaimootnosheniy i vzaimovliyaniya v 20-e gody* [The power and the press in Soviet Russia: the problem of the relationship and interaction in the 20s]. Moscow, 1998, 248 p.

ТУРКМЕННОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1800–1820-е гг.

Оздамирова Элиза Мусатовна, старший преподаватель, Чеченский государственный университет, Российская Федерация, Чеченская Республика, 364049, г. Грозный, пр-т Кирова, 47, E-mail: eliza1976@mail.ru

В начале XIX века российское правительство, оказалось в ситуации поиска выгодных рынков сбыта для молодой российской промышленности. Средняя Азия с ее огромными пространствами и аграрным характером производством, исторической близостью к границам России и многовековыми традициями культурно-экономического взаимодействия, оказалась наиболее подходящим регионом в этом отношении. Удобнейшим и ближайшим торговым путем в Среднюю Азию из России издавна был торговый путь из Астрахани по Каспийскому морю до восточного побережья – Туркменистана. И уже оттуда перегруженные на верблудов товары отправлялись вглубь Средней Азии. Кроме того, и само туркменское население было заинтересовано во взаимовыгодном торговом сотрудничестве с Российской Империей. В 1800–1820-е гг. начинается активное исследование туркменского побережья Каспия с целью основания форпоста для экономического и политического продвижения России в этом регионе. На основании анализа российской и туркменской историографии, архивных источников, автор статьи предпринял попытку описания этого процесса.

Ключевые слова: внешняя торговля, азиатское купечество, торговый путь, экономическая политика, туркмены

THE TURKMEN COAST OF THE CASPIAN SEA IN THE ECONOMIC POLICY OF THE TSARIST GOVERNMENT IN 1800–1820-ies

Ozdamirova Eliza M., Senior Lecturer, Chechen State University, 47 Kirova Ave., Grozny, 364049, Russian Federation, Chechen Republic, E-mail: eliza1976@mail.ru

In the early nineteenth century the Russian government, in a situation of finding a profitable market for young Russian industry. Central Asia, with its vast open spaces and agricultural nature of the production, historical proximity to Russia's borders and centuries-old traditions of cultural and economic interaction, turned out to be the most suitable area in this respect. The most convenient and nearest trade route to Central Asia from Russia has long been a trade route from Astrakhan on the Caspian sea to the East coast of Turkmenistan. And then overloaded goods on camels went deep into Central Asia. In addition, the Turkmen population was interested in mutually beneficial trade relations with the Russian Empire. In 1800–1820-s starts the active study of the Turkmen coast of the Caspian sea with the purpose of establishing an Outpost for the economic and political development of Russia in the region. Based on the analysis of Russian and Turkmen historiography, archival sources, the author attempted to describe this process.

Keywords: foreign trade, Asian merchants, trade route, economic policy, Turkmens

Начало XIX в. поставило перед царским правительством задачу укрепления и расширения торговых связей со среднеазиатскими ханствами – Бухарой, Хивой и Кокандом, рассчитывая экономическими методами добиться здесь роста своего влияния. В этой связи, каспийская проблема приобрела еще большее политическое значение для России [32, с. 31, 54], так как в конце XVIII – начале XX в. почти все торговые пути, соединявшие Восточную Европу со Средней Азией проходили через туркменские степи [3, с. 242].

Одним из актуальнейших направлений этих путей было направление через Астрахань и туркменское побережье Каспийского моря. Коммерческое освоение этого пути сократило бы стоимость перевозки грузов, облегчило бы установление отношений с туркменскими племенами, а главное – дало бы возможность миновать места, где торговые обозы подвергались наибольшей опасности. Но «реализация таких планов затруднялась недостаточной осведомленностью о восточном побережье Каспийского моря» [30, с. 10].